

М.В. САВОСТЬЯНОВА

МЕСТО И РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ученые, общественные деятели и деятели культуры сегодня обеспокоены духовным кризисом в культуре, который давно уже стал одной из глобальных проблем человечества, несмотря на стремительное развитие науки, в том числе гуманитарной. В этой связи представляется необходимым определить реальные движущие силы общественного развития и то место, которое среди них занимает интеллектуальная элита общества.

Наука – это деятельность по производству знаний. Это аксиома. Но в таком случае возникает вопрос – для каких целей эти знания производятся? Для «производства человеческого в человеке» - развития духовности, удовлетворения стремления к истине, нравственному идеалу, общечеловеческим ценностям? Для развития промышленности? Для обеспечения экономической, политической и культурной интеграции глобализирующегося мира? Для управления сознанием масс с политическими и коммерческими целями? И какую роль в этом процессе играет или может сыграть интеллектуальная элита.

Основатель теории информационного общества Д.Белл отмечал, что если раньше главными фигурами в обществе были предприниматель, бизнесмен, руководитель предприятия, то теперь такими людьми становятся ученые и представители новых интеллектуальных технологий [1; 214]. Новый социальный заказ сформировал специалистов, которые составляют элиту информационного общества. Такой заказ сформировался в конце XX в. в отношении новой области деятельности, которую можно назвать информативной деятельностью. Таким образом, в развитых обществах сложилась прослойка интеллектуальных работников, которые владеют неотчуждаемой собственностью на знания. Поэтому сегодня имеет смысл говорить не об интеллигенции или совокупности высококвалифицированных работников, а об особом классе (knowledge-class), который занимает доминирующие позиции в постиндустриальном обществе, о классе, интересы которого отличны от интересов других социальных групп. Это обстоятельство необходимо учитывать, говоря об информационном обществе и его чаще направленном, чем хаотическом воздействии на человека и культуру.

Подобного рода специфика места и роли интеллектуальной элиты в информационном обществе отмечалась также А. Тоффлером [2] и другими авторами теории постиндустриального, или информационного общества, а также в исследованиях в области средств массовой коммуникации М. Маклюэна [3], а Дж. К. Гелбрейт [4] еще в 1969 году обращал особое внимание на большую роль в культуре и обществе тех людей, которые «управляют информацией» и влияют на самосознание человека, а также на групповое принятие решений.

Таким образом, значительное влияние на формирование привилегированного класса интеллектуальной элиты оказала необходимость не только дальнейшего научно-технического прогресса, но и необходимость информационного воздействия на массы. Использование той или иной информации формирует новую систему мотивов деятельности и является базой для становления в обществе новых социальных групп. А. Тоффлер говорит о власти меньшинства, которое владеет информацией и способами ее подачи. Он называет его knowledge-class, которому очень трудно или совсем невозможно создать управляющую оппозицию [5; 371]. Уровень образования представителей информационно-технологической сферы деятельности значительно превышает уровень образования, характерный для большинства граждан, которые составляют совокупную рабочую силу. В.Л. Иноземцев считает, что именно поэтому границы группы, владеющей информационными технологиями (knowledge-class) никогда не могут расширяться до масштабов общества в целом [6; 72]. Значимые знания сосредоточены у относительно узкого круга людей, социальная роль которых в информационном обществе бесспорна. Во многом от них зависит то, какая нравственная доминанта будет преобладать в культуре и какова будет мораль большинства ее субъектов.

Однако интеллектуальная элита не существует сама по себе, вне общества, вне научных сообществ, как отдельное явление. Прежде всего потому, что интеллектуальная элита – это определенный социальный слой, имеющий связи с различными социальными институтами. Она также тесно связана с правящей (политической и экономической) элитой, которая стремится к поддержанию устойчивости определенных социальных структур с их одновременным поступательным обновлением. Интеллектуальная элита выполняет функцию определенного социального механизма, который обеспечивает создание или абсорбацию инноваций, а также их интеграцию, органичное объединение с существующими в обществе традициями. Ее способность к осуществлению этого процесса определяется спецификой ее сущностных характеристик.

В научной литературе часто встречается мнение, что знания и квалификация становятся сегодня главными факторами власти и управления. Здесь мы видим необходимость внести некоторые уточнения. На наш взгляд, не следует ставить знак тождества между знаниями и квалификацией – с одной стороны, и властью и управлением – с другой. Знания и квалификация субъекта становятся в информационном обществе решающим потенциальным фактором его социального продвижения, и только. Причем этот потенциал может реализоваться в полной мере, только если будет востребован управляющей элитой, имеющей реальную власть. Однако знания и квалификация сами по себе еще не дают возможности ни власти, ни управления. Власть, а с нею – возможность и необходимость управления приобретаются другим путем, хотя и с помощью высококвалифицированных специалистов в области информационных и электронных технологий. Тем не менее, заблуждение по поводу того, что интеллектуалы сегодня управляют миром, является весьма распространенным. Настолько распространенным, что приобретает характер мифа, который искусственно создается и поддерживается. Однако представляется, что интеллектуалы только создают средства и разрабатывают технологии, с помощью которых миром управляет экономическая и политическая элита, т.е. те, кто имеет реальную власть.

В современном обществе значительно возросла роль науки и техники в обеспечении информационного управления массами. Как отмечал Й.Хейзинга, «наука, не сдерживаемая более уздой высшего морального принципа, без сопротивления отдает свои секреты гигантски развившейся, толкаемой меркантилизмом технике, а техника, еще менее удерживаемая высшим принципом, на котором держится культура, создает с помощью предоставленных наукой средств весь инструментарий, который требует от нее организм власти» [7; 287]. Здесь же следует упомянуть и роль гуманитарных наук в этом процессе, особенно психологии. «К сожалению, - пишет Э.Фромм, - большое количество психологов отдадут такому манипулированию все, что они знают о человеке, во имя того, что крупные организации считают эффективным. Так, психологи становятся важной частью индустриальной и правительственной системы, хотя заявляют, будто их деятельность служит оптимальному развитию человека» [8; 253]. Это те реалии, в которых оказался наш мир и которые сегодня очень остро ставят вопрос о моральной ответственности ученого за результаты своей научной деятельности.

Наука в современном мире начинает занимать особое место, обеспечивая потребности промышленности, экономики, политики. Происходящие сегодня в мире процессы глобализации непосредственно связаны со спецификой перераспределения носителей знаний и информации (представителей knowledge-class). Специалист по проблемам информационного общества Р. Рейч так описывает сложившуюся ситуацию: «Деньги и фабрики, информация, машины и эмблемы фирм не привязаны к определенной точке на карте, носители знания и опыта — в еще меньшей степени» [9; 181]. В результате происходит так называемая «утечка мозгов». Последствия этого процесса заслуживают того, чтобы обратить на них серьезное внимание, поскольку они непосредственно связаны с нарастающей стремительными темпами неравномерностью экономического развития, неравномерностью информационного и компьютерного обеспечения.

Экономически развитые страны имеют возможность предложить представителям интеллектуальной элиты лучшие условия труда и оплаты, более высокий уровень жизни и возможности профессиональной карьеры. Приобретая таким образом лучших специалистов в

области различных областей науки, электронной техники и информационных технологий, они получают огромные преимущества в развитии и возможность оторваться на практически недостижимое расстояние от экономически слабо развитых стран. Впоследствии этот разрыв преодолеть будет уже практически невозможно прежде всего потому, что темпы научного, технологического и информационного развития стремительны. Ныне доминирующие в экономическом отношении страны, благодаря описанным процессам, если эта тенденция сохранится, через очень непродолжительное время станут практически недостижимыми по уровню развития для других стран мира. Так, вполне «естественным» путем, экономически развитые страны становятся доминирующим фактором не только в экономической жизни планеты, но и в политической, идеологической, культурной.

Роль представителей определенных профессий и рода знаний, а также степень заинтересованности в их эффективной деятельности представителей управляющей элиты в информационном обществе очень велика. Поэтому можно предположить, что в обществе целенаправленно создаются необходимые мифы, образцы, приоритеты, которые будут способствовать как неуклонному росту специалистов в определенных областях, так и представлениям о личностных, духовных и нравственных качествах этих людей, а также об их действиях как норме. В пределе это может привести к космополитизации сознания класса интеллектуалов, очередному падению приоритета гуманитарных профессий, если они не работают на управление индивидуальным и массовым сознанием (идеологию), а также падению духовности в целом. Такая тенденция отчетливо прослеживается в современной культуре, хотя еще Х.Ортега-и-Гассет говорил: «Духовность предстает как перспективная (сверхутилитарная) сфера высших смысложизненных ценностей или идеалов, выражая перманентное стремление человека к совершенствованию всей тотальности своей жизнедеятельности в мире, неотъемлемой от целостности человеческой природы» [10; 128]. Однако, несмотря на то, что онтологически и антропологически это бесспорно, реалии современного мира говорят о другой тенденции развития в культуре информационного общества.

Уделяя много внимания трансформации человеческих ценностей в информационном обществе, И. Масуда, глава Института информационного общества и один из авторов Плана информационного общества, представленного Институтом разработки использования компьютеров (JACUDI), выдвинул концепцию, согласно которой информационное общество будет бесклассовым и бесконфликтным, в котором в качестве характерной ценности выступает время [11]. В связи с этим, как полагает И. Масуда, возрастает ценность культурного досуга.

По-видимому, вышеизложенное И. Масудой было сказано для широких масс, которым предстоит жить в глобализированном информационном обществе. Бесклассовым, как и не управляемым во всех отношениях, в том числе - идеологическом, духовном, нравственном обществе не станет никогда, как оно не станет имущественно и социально однородным. Но оно может быть бесконфликтным при условии, если массы будут полностью разделять как политическую и экономическую, так и культурную, духовную стратегию правящей элиты, в случае, конечно, если правящая элита окажется монолитной и будет полностью отсутствовать оппозиция и борьба нескольких политических сил за власть. Однако это очень похоже на тоталитаризм, который, тем не менее, может оказаться незамеченным при условии соответствующего управления сознанием масс с помощью информационных технологий. Предполагается, что плюрализм форм, стилей, смыслов жизни составляют одну из сущностей информационного общества. Если с этим согласиться, то вопрос о свободе в условиях тотальной технологической обусловленности, как считает В.М. Розин, можно «переформулировать в проблему целенаправленного воздействия на компоненты нашей цивилизации и культуры» [12].

Существует и политическое основание информационного общества, которое декларируется как свобода информации, ведущая к политическому процессу, который отличается растущим участием в нем и консенсусом между различными классами и социальными слоями населения. Построение организации общества основано на

добровольности и приоритете личных прав. Власть, по концепции информационного общества французской социологической школы основана на информации о локальных подсистемах [Цит. по: 13; 7]. Власть также прозрачна для демократических институтов. Новым источником власти становится владение информацией и контроль над ней.

Представители французской социологической школы предполагают, что может возникнуть новый правящий класс держателей информации. Однако, на наш взгляд, существующий правящий класс и есть класс держателей информации. А класс интеллектуалов - ее поставщик и, возможно, систематизатор, осуществляющий также ее доставку аудитории через СМИ, создание специальных программ и сайтов в сети Интернет. Тем не менее, без владения средствами массовой информации, управления интернет-северами и наличия политической власти, само по себе владение информацией не может оказать на общество настолько сильного воздействия, чтобы можно было всерьез говорить о появлении какого-то нового правящего класса держателей информации, отличного от уже существующего. Кроме того, информационная избыточность, подавляющая способность суждения и критического анализа, отменяет всякую возможность стать сенсацией, принятой за истину, той информации, которая по решению определенных сил стать сенсацией не должна. Вряд ли в таком случае можно ожидать, что каким-то образом просочившаяся нежелательная информация станет достоянием широких масс, тем более – серьезно повлияет на их сознание.

Информационное общество отнюдь не бесконфликтно, но основная ось конфликтов здесь смещается из сферы социальной и политической в экзистенциальную, с уровня противостояния и противоборства классов, национальных общностей - в плоскость взаимоотношений индивида с его социальными организациями и объединениями. Тем не менее, Ю.В. Яковец считает, что причиной центрального конфликта в постиндустриальном обществе будет несовпадение интересов индивида и технократии, взявшей на себя ответственность за определение путей общественного прогресса [14].

Однако технократия не определяет самостоятельно пути общественного прогресса, она не действует в отрыве от общегосударственной культурной, идеологической и экономической политики, а только ее обеспечивает. И хотя роль технократии и других представителей интеллектуальной элиты в информационном обществе велика, но не они определяют направление развития. Они несут ответственность за свою деятельность и за те проекты, которые воплощаются в культуре благодаря этой деятельности. Но еще большую ответственность несет правящая элита, поскольку именно она в действительности выбирает направление, стратегию и тактику развития общества, в том числе и в первую очередь – его духовно-нравственного развития, без которого в конечном итоге не осуществимы ни политические, ни экономические проекты.

Глобальное знание сегодня (а именно оно имеет стратегическое значение и подчиняет себе все средства манипулирования массами) реально сосредоточивается у сравнительно узкого круга участников особых международных взаимодействий (например, валютных сделок), а не у класса интеллектуалов. Массы же к нему вообще не имеют доступа. Э.Гидденс, описывая основные измерения глобализации, во всяком случае, обходит вопрос, до какой степени знание о глобальных взаимозависимостях (отрицать которые вряд ли бы кто взялся) «действительно входит в повседневное проектирование поведения человеком, чей горизонт познаний нередко весьма узок» [15; 252]. Отметим также, что у многих представителей самой интеллектуальной элиты горизонт познаний и понимания того, какие проекты осуществляются их усилиями, зачастую также бывает довольно узким.

Представляется большим заблуждением часто встречающееся мнение о том, что в информационном обществе приоритеты все более и более смещаются от собственности и капиталов к научным знаниям и информации. Если бы это было так, то мы могли бы говорить о возвращении эпохи бескорыстного познания мира. Но это не так. Научные знания и информация нужны сегодня как средство приобретения собственности, капиталов, власти. Тем не менее, общественная значимость того или иного человека действительно все более и более определяется не только наличием у него традиционных товаров, условий производства или денег (капиталов), но прежде всего наличием информационных

ресурсов, научных знаний и информации, навыками владения информационными технологиями по той причине, что такой человек наиболее всего полезен существующему информационному обществу и призван обеспечить его функционирование и эффективное движение в заданном направлении.

Однако правящая элита, задающая направление движения общества, ее влияние на общество не являются единственно возможным источником изменений и развития. Даже если на каком-то историческом этапе активность элиты является принципиально решающей, в некоторый момент в этом же самом обществе могут возникнуть другие, значительно более прогрессивные источники развития, которые смогут ослабить влияние элиты на общество. Как говорил бывший госсекретарь США Бжезинский еще в 1970 г., «по большей части гуманистически ориентированный, изредка идеологически настроенный интеллигент-оппозиционер... быстро вытесняется либо экспертами и специалистами, либо обобщающими интеграторами, становящимися в конечном счете придворными идеологами власть имущих, если только не произойдет всеобщего объединения интеллигентов для принципиально иных действий» [16; 45].

Выходом их создавшейся ситуации представляется именно такого рода объединение представителей интеллектуальной элиты, не только владеющих неотчуждаемой собственностью на знания, но и осознающих все опасности и риски текущего момента. Подобного рода деятельность могла бы быть эффективной и создать серьезное препятствие духовной и моральной деградации культуры. Однако проблема заключается в том, что осуществление такого рода объединения интеллигентов представляется достаточно сложной задачей, хотя теоретически – возможной.

Завершая статью, представляется правомерным сделать некоторые выводы:

- Возможности и функции интеллектуальной и правящей элиты в обществе различны и обладание знаниями без реальной власти делает представление о том, что миром в информационном обществе правят интеллигенты, весьма спорным. Тем не менее, бесспорно то, что осуществление власти без знаний невозможно.

- Направление движения общества, его стратегия и тактика задается правящей элитой, а обеспечение движения в этом направлении – функции интеллектуальной элиты.

- Учитывая роль науки в современном мире и ее преобразовательные возможности, представляется, что сегодня для выживания человечества решающее значение имеет не столько изучение частных вопросов философии и методологии науки, сколько прояснение ценностных оснований научной деятельности и осознание представителями интеллектуальной элиты меры личной ответственности перед обществом.

Представляется, что дальнейшее изучение заявленной проблемы может потребовать обращения к следующим вопросам, оставшимся за рамками исследования:

- основные проблемы и риски глобализирующегося мира;
- перспективы дальнейшего развития гуманитарных наук в информационном обществе;
- роль и возможности интеллектуальной элиты в преодолении кризиса духовности современной культуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д. Прихід постіндустріального суспільства // Сучасна зарубіжна соціальна філософія. – К., 1996.
2. Тоффлер О. Смещение власти: знание, богатство и принуждение на пороге XXI века. – М., 1991.
3. Маклюэн М. Средство само есть содержание. – <http://dll.botik.ru/libr/cit/maclu.koi8.html>
4. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М., 1969.
5. Тоффлер Элвін. Третья хвиля. - К., 2000.
6. Иноземцев В.Л. Класс «интеллигентов» в постиндустриальном обществе. // Социс. – 2000 г. – № 6. – С. 67-77.
7. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи // Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. – М., 1992.

8. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М., 1993.
9. Reich R. В. Dieneue Weltwirtschaft. – Berlin, 1993.
10. Ортега-и-Гассет Х. Философия. Эстетика. Культура. – М., 1993.
11. Masuda Y. Managing in the information society: Releasing synergy Japanese style. - Oxford; Cambridge, 1990.
12. Розин В.М. К различию техники и технологии. Материалы международной конференции: «Высокие технологии: влияние на гуманитарную и социальную сферы», 1998. - <http://www.philosophy.ru/iphras/Library/tech/vysok.html>.
13. Рейман Л. Д. Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении // Вопросы философии -2001. - № 3.
14. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001.
15. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999.
16. Brzezinski Zb. Between Two Ages. – New York, 1970.

В.О. СКВОРЕЦЬ

ДЕТЕРМІНАНТИ ОПТИМІЗАЦІЇ РОЗВИТКУ ГРОМАДЯНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА В УКРАЇНІ

Перед українським народом стоїть проблема вибору шляху розвитку суспільства і держави. Стурбовані системною кризою українського суспільства науковці і політики наголошують на необхідності створення довгострокової стратегії модернізації і оновлення України [1, с. 7], стратегії науково-технологічного розвитку України [20, с. 10], національної моделі економічного розвитку України [14, с. 17], концепції загальнонаціонального розвитку [10, с. 2]. М. Павловський навіть розробив стратегію розвитку українського суспільства [13], а всеукраїнський громадський рух “Віче України” підготував План Розвитку Країни [3]. На нашу думку, ключовою проблемою системної кризи і кризи управління в сучасній Україні виступає ігнорування впливу такого чинника суспільного життя як розвиток громадянського суспільства.

Мета цієї статті полягає у спробі на підставі аналізу змін потенціалу українського соціуму, що обумовлені взаємодією суспільно-політичних сил, визначити детермінанти оптимізації розвитку громадянського суспільства в Україні.

Обговорення окресленої проблеми потребує визначитися щодо розуміння сутності поняття “громадянське суспільство”. В соціальній філософії склалися дві традиції уявлень про громадянське суспільство – аристотелівська і боденівська. Представники аристотелівської традиції (Г. Гегель, Дж. Александер, Е. Арато і Дж. Коген, К.С. Гаджієв, Е. Геллнер, І.К. Калінін, А. Карась, Джон Кін, А. Колодій, І.І. Кравченко, Ю.М. Резник, В. Степаненко, В.Г. Хорос) пов’язують існування громадянського суспільства із демократією, вважають, що громадянське суспільство з’являється в період Нового часу, а демократична держава є творцем громадянського суспільства. В моделях сучасних представників цієї традиції громадянське суспільство, як правило, розглядається як ідеально-типова категорія. Ідеалізація громадянського суспільства закриває шлях до дослідження цього явища як реальності соціального світу, бо навіть не дозволяє виявити зв’язок між його генезою і сутністю. Представники боденівської традиції уявлень про громадянське суспільство (Ж.-Ж. Руссо, К. Маркс і Ф. Енгельс, Л.С. Мамут, В.А. Моргун, А.В. Одинцова, Ю.В. Павленко, В.І. Шинкарук) пов’язують це явище з існуванням будь-якої держави, а тому громадянське суспільство постає разом із появою держави і виступає творцем держави [16, с. 168].

Перспективною методологічною основою подальшого дослідження громадянського суспільства видаються досягнення моделей боденівської традиції, що можуть бути далі розвинуті в руслі матеріалістичної діалектики і синергетики. На нашу думку, громадянське суспільство – це форма суспільної самоорганізації, що відображає сферу недержавних приватних відносин, обумовлених взаємодією індивідуальних і колективних потреб та інтересів, які детермінуються реалізацією свободи особистості та здійснюють вирішальний